

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

(К 40-летию «Капитала», 1867-1907)

Некоторые места из сохранившегося письма Маркса к его благородному, просвещенному отцу бросают яркий свет на философское развитие гениального творца, исторического материализма. Эти места обнаруживают с полной отчетливостью процесс созревания материалистической диалектики, составляющей философскую основу «Капитала». Юный - девятнадцатилетний - Маркс пишет в этом письме: «Я должен был заниматься правом, но чувствовал, что прежде всего мне надо одолеть философию». Начав с вопросов философии и этики в широком смысле этого слова, чувствуя в себе могучие задатки общественного реформатора, юноша испытывает непреодолимую потребность в выработке общего философского мировоззрения, из которого должны вытекать принципы научного исследования и методы практической деятельности. Охваченный жгучей любознательностью, страстным, неудержимым стремлением разрешить мировые проблемы, юный Маркс проводит бессонные ночи в лихорадочной, напряженной духовной борьбе. Он излагает результаты своих размышлений, он недоволен этими результатами, замечая и чувствуя везде пробелы и недочеты; он пишет и без сожаления сжигает написанное. Бурный, стремительный, беспокойный, но в той же мере терпеливый, настойчивый, энергичный ум ищет разрешения величайшей проблемы, поставленной классической философией. Проблема эта - «отношение бытия к долженствованию» (1). Сознательно и критически. эта проблема была поставлена Кантом. Глубокая и оригинальная постановка вопроса об отношении бытия к долженствованию отцом критицизма нисколько однако не помешала ему разрешить этот вопрос в духе старой христианской метафизики. Бытие - это чувственная, изменчивая, призрачная природа; долженствование принадлежит миру духовному, стоящему по ту сторону конкретной реальной действительности. Трагический конфликт между разумом и чувственной природой, между идеалами и действительностью, между необходимостью и свободой находит свое окончательное разрешение в первоначальном источнике разума, свободы и идеалов, в так называемом потустороннем царстве. Против этого дуализма восставали многие, а наиболее энергично вел против него борьбу Фейербах. Но Гегель, ставший на почву исторической диалектики, разрешил эту задачу с наибольшим глубокомыслием. Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно, гласит классический ответ на классический вопрос. *Разум, идеалы, долженствование, вытекающие с необходимостью из действительности, должны, с необходимостью стать действительностью.* Противоречие бытия и долженствования имеет место на .всякой данной ступени исторического развития, поскольку история идет вперед, но это противоречие находит свое постоянное разрешение на протяжении всего исторического процесса, *непрерывно достигая единства и непрерывно удаляясь от него.* Долженствование, порожденное действительностью, становится в противоречие к последней и, само превращаясь в действительность, порождает новое долженствование. Если, таким образом, с дуалистической точки зрения Канта примирение этого противоречия возможно в абсолютном, покое, то согласно диалектике, оно находит свое

разрешение в непрерывном движении. Маркс примкнул к *общей* точке зрения Гегеля, приняв общий принцип исторической диалектики, уничтоживший кантовский дуализм. Но диалектика Гегеля исходит из идеалистического начала. Диалектический процесс ведет свою родословную от потусторонней платоновской идеи. Согласно идеалистическому исходному пункту Гегеля содержанием диалектического развития является идея, пустая абстракция; вследствие этого сама диалектика, лишенная всякого действительного содержания, часто превращается в пустую софистику чистых, отвлеченных понятий.

Маркс, стремившийся не только к умозрительному объяснению мира, но и к изменению его, в конкретной деятельности искал твердую точку опоры. Идя через метафизику и проникая во все ее тайны, Маркс ведет против нее решительную борьбу и одерживает над ней блестящую победу.

Эта борьба и эта победа изображена Марксом в вышеупомянутом письме: «Вначале, - пишет Маркс, - я изложил так милостиво окрещенную мною метафизику права; это значит - основоположения, размышления, определения, понятия, оторванные от всякого живого права и какой бы то ни было живой действительной формы, точь-в-точь как мы это встречаем у Фихте, только у меня это вышло более современно и менее содержательно. К этому присоединилась еще ненаучная форма математического догматизма, соответственно которому субъект суетится вокруг объекта, резонерствует по поводу его, вместо того, чтобы развернуть самую вещь, вместо того, чтобы обнаружить ее богатое, развивающееся, живое содержание. Этот метафизический метод является с самого начала препятствием к истинному пониманию предмета. В конкретном выражении живого мира идей, каким является право, государство, природа, вся философия, предмет должен быть прослежен в своем развитии, произвольная предвзятая классификация не должна иметь места; исследователь должен раскрыть *разум самой вещи, присущие ей. противоречия, - одним словом, он должен развернуть и обнаружить процесс ее внутренней, борьбы а показать путь, на котором она достигает своего единства*» (2). Тут уже обнаруживается сила мысли и метод автора «Коммунистического манифеста», «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» (3) и «Капитала», и стало быть вполне определяются общие философские принципы, которыми руководился Маркс в своей теоретической и пролетарской деятельности. И недаром же он поместил формулировку своей философско-исторической концепции в предисловии к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» и также недаром счел нужным в предисловии к «Капиталу» указать читателю на то, что принятая им диалектика Гегеля поставлена у него на ноги. Сделанные Марксом указания на метод, помещенные в предисловиях к экономическим трудам, имели своей явной целью объяснить читателю, что эти труды написаны с точки зрения диалектического материализма и что следовательно все экономические и социологические выводы, добытые творцом научного социализма, обязаны именно этому методу.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению главных принципов теории стоимости с точки зрения диалектического метода.

Как известно, основное ядро «Капитала» представляет теория стоимости и вытекающая из сущности стоимости теория прибавочной стоимости. Теория стоимости, признающая труд за основу обмена, открыта не Марксом. Ранее

развитие капиталистических отношений в Англии подсказало мыслителям этой страны, что единственным регулятором обмена является труд.

О том, что меновая стоимость определяется затраченным на производство товаров трудом, мы читаем у Гоббса, у Локка; этот взгляд развит у Пети; а у Адама Смита - и в особенности у Рикардо - теория стоимости, исходящая из труда, становится центральным положением экономических исследований этого великого экономиста.

Тем не менее все эти предшественники Маркса, начертавшие путь, по которому должна следовать политическая экономия, оставили автору «Капитала» обширное неводеланное поле для самостоятельной оригинальной обработки. Самый блестящий представитель классической экономии, Рикардо, рассматривал капиталистические отношения односторонне, под углом их бытия, но не с точки зрения их возникновения и исчезновения. Имея дело с готовыми формами, исследуя лишь их временное содержание, гениальный экономист смотрел на капиталистический порядок как на естественный закон общественной жизни. Вследствие этого методологического недостатка исследования Рикардо страдают неполнотой и неясностью. Совсем иначе приступил Маркс к решению сложной общественной задачи.

Перевернув систему Гегеля и придя к общефилософскому материалистическому выводу, что «идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное», он начинает исследование сложных общественных отношений с материи, с объекта, устраняя с самого начала сознание, психологию и всю субъективную надстройку, которая, согласно полученной им философской формуле, появляется *post factum*. «Богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар - его элементарной формой». «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая своими свойствами удовлетворяет какую-либо человеческую потребность. Характер этой потребности, возникает ли она например в желудке или в фантазии, несколько не изменяет дела. Речь не идет также и о том, каким образом вещь удовлетворяет человеческой потребности, непосредственно, как предмет потребления, или косвенно, как средство производства». Эти первые вступительные строки уже ясно определяют объективный материалистический метод. Анализ начинается не с готовых сложных форм общественной жизни, а с отдельного предмета, товара. Товар есть прежде всего внешняя вещь, удовлетворяющая человеческую потребность. Природа потребности с самого начала исключается из области политической экономии. Природа потребности, качество последней, ее целесообразность, иначе сказать, различные и многообразные отношения *субъекта к объекту*, могут составить предмет психологии, этики, эстетики, но не служат *основой* общественных отношений. Это первое определение сразу устраняет ту путаницу понятий, которую вносили и до сих пор вносят эклектики в экономическую область благодаря грубому смешению экономических и психических явлений.

Подвергая тонкому, всестороннему и, мы бы сказали, жестокому анализу товар, Маркс постепенно обнаруживает, что физические, химические и прочие телесные свойства не могут быть регуляторами меновых отношений. Путем изоляции *данной природой материи*, с одной стороны, и *природы потребности субъекта*, с другой -

Маркс приходит к заключению, что меновая стоимость основана на заключающемся в товарах труде.

Но автор «Капитала» не успокаивается на этом выводе. Глубокий и беспощадный аналитик идет дальше и глубже, открывая, в самом труде две стороны, и это открытие имеет огромное значение, на котором, по справедливому замечанию Маркса, «зиждется все понимание политической экономии». Сообразно этому открытию труд должен рассматриваться с двух сторон. С одной стороны, труд является общим, однообразным, лишенным всякой индивидуальности элементом, поскольку все товары представляют собою продукт труда, т. е. траты рабочей силы, присущей всякому человеку. А с другой стороны, общий, безразличный труд проявляет себя в различных индивидуальных формах, поскольку он является создателем индивидуальных вещей, приспособленных к разнообразным потребностям.

Труд ткача и труд портного равнокачественны, так как представляют собою трату тождественной по качеству силы или равнокачественное отчуждение человеческого существа. Но, одинаковые по существу, труд ткача и труд портного расходуются в различных индивидуальных формах; форма, в которой ткач тратит свою силу, отличается от формы, в которой портной тратит свою. Труд, воплощенный в - ставших бессмертными - холсте и сюртуке *тождественен и различен в одно и то же время*. Труд стало быть заключает в себе *основное противоречие*. Как трату простой силы он представляет собою одинаковую субстанцию, присущую всем произведенным предметам, но как целесообразное, конкретное проявление он выступает на сцену действительности в различных, друг на друга не похожих формах. Противоречивый характер труда порождает противоречие, свойственное товару. Товар есть потребительная стоимость и меновая. Конкретная целесообразная форма труда относится к потребительной стоимости, общий, безразличный труд составляет основу меновой. Товары, как потребительные стоимости - отличаются друг от друга, как меновая - они тождественны. Это коренное противоречие является одним из необходимых условий обмена (4). Товары вообще вступают в обмен потому, что они различны, а обмен совершается в определенных количествах, в которых один товар приравнивается к другому, на том основании, что товары тождественны. Далее, данный товар, тот же сюртук, не в состоянии конкретно выразить свою стоимость без отношения к другому, отличному от него продукту труда.

Он выражает свою стоимость с помощью тела другого товара. Общий безразличный труд, воплощенный в сюртуке, находит конкретную форму выражения в индивидуальном труде другого товара, в холсте. Общий труд, воплощенный в сюртуке, сбрасывает с себя на мгновение свою собственную сюртучную форму для того, чтобы выразить тождество своей души с душой холста. Тот момент, когда холст застывает в качестве эквивалента, представляет начало развития денег. Мы видим таким образом, что заключающееся в труде противоречие послужило Марксу исходной точкой для его глубокого анализа происхождения и развития такого общественного и сложного явления, каким являются деньги. Деньги - прежде всего товар, и как всякий товар - продукт труда. С того времени как один товар становится эквивалентом, его тело, его конкретная форма делается формой проявления общего, безразличного общественного труда,

воплощенного во всех противостоящих ему товарах. Выделенный и застывший в качестве эквивалента товар обладает способностью отражать все товары, потому что он, как товар, является продуктом противоречивого труда. Одним словом, стоит внимательно и серьезно вникнуть в анализ, представленный Марксом в первой и самой трудной главе «*Капитала*», стоит проследить все звенья этого анализа - от вскрытия *общественных* свойств товара до законченной эквивалентной формы, - чтобы понять, что вся сложная цепь исследования берет свое начало в открытом Марксом *двойственном характере труда*.

Благодаря этому открытию Марксу удалось найти генезис денег, обнаружить процесс развития этого приятного, но весьма таинственного предмета и определить его функции (5). Спрашивается теперь, каким методом руководился Маркс? Тем методом, который намечен в вышеприведенном письме, который сформулирован в предисловии к «*Zur Kritik*» и о котором с полной определенностью говорится в предисловии к «*Капиталу*».

По Гегелю, односторонний, ограниченный рассудок, стремясь избегнуть противоречия, впадает в противоречие с противоречивой действительностью. Чтобы не впасть в трагическое или комическое противоречие с противоречивой действительностью, необходимо ее исследовать в ее противоречивом проявлении и развитии. В последнем, окончательном итоге сущность основной философской проблемы всегда сводилась к вопросу об отношении множества к единству, индивидуальных, конкретных явлений к общей проявляющейся в этих явлениях субстанции. Метафизика, в своем стремлении избежать противоречия, сосредоточивала свое внимание либо да единстве и субстанциальности вселенной, либо на конкретном мире явлений, воспринимаемом нашими чувствами. В первом случае она отрицала действительность конкретной, являющейся нашим чувством природы, объявляя конкретный мир явлений признаком и обманом чувств; во втором случае она признавала конкретный мир явлений, но отрицала единство (6).

Там субстанция, оторванная от мира явлений, образовывала потусторонний умопостигаемый мир, тут мир явлений, оторванный от субстанции, представлял собою бессмысленный, разрозненный и несвязный хаос. Там признание единства приводило к отрицанию множества, тут из признания множества следовало отрицание единства: *там было найдено единство мира, но был потерян мир; тут признавался мир явлений, но было потеряно единство*. Из односторонности первого рода мышления следовала догматическая идеалистическая метафизика; из ограниченного мышления второго рода - догматический метафизический скептицизм, который большей частью находил свое дополнение в религиозных мистических верованиях.

Диалектика не отделяет множества от единства, индивидуализации от единого бытия, модуса от субстанции, мир явлений от вещи в себе (7).

Этой именно диалектической точки зрения придерживался Маркс. Но тут нас прерывает грозный «марксистобразный» махист, новый ревизионист и углубитель теории Маркса. «Как, - восклицает последователь последней философской книжки, - разве Маркс, исходивший из опыта, признавал субстанцию, независимую от ощущения вещь в себе». Да, признавал. Но признавал не метафизическую субстанцию, оторванную от мира явлений и представляющую *объективированное субъективное сознание*, перенесенное за пределы чувственной, воспринимаемой

природы и превращенное таким образом в самостоятельное существо.

Действительная, реальная природа - *материя*, существующая вне воспринимающего субъекта и проявляющаяся в конкретном мире явлений, была исходным философским положением убежденного материалиста Маркса, перевернувшего идеалистическую систему Гегеля.

Философское материалистическое мировоззрение составляет центральную основу, точку отправления глубокой и гениальной критики, направленной Марксом против Бруно Бауэра и компании. Бруно Бауэр, возрождавший субъективный идеализм Фихте, доказывал, что внешняя реальная природа есть продукт бесконечного сознания.

Подобно Маху и махистам, Бруно Бауэр исходил из отрицания внешней реальной действительности, рассматривая ее как плод творчества субъекта (8). Что же отвечал Маркс этому субъективному идеалисту? Вот что: «В своей критике субстанции он (Бруно Бауэр. - Л. А.) оспаривает *не метафизическую иллюзию, а ее действительное мирское содержание* (то же самое делает Мах. - Л. А.); он отрицает природу, *ее существование вне человека* и ее существование в самом человеке. *Не предполагать субстанции ни в какой области значит для него* (и также для Маха. - Л. А.) *не признавать отличного от мышления бытия*», «отличного от субъекта объекта», «отличного от «я» «ты» (9). Как видите, Маркс признавал субстанцию, признавал независимое от мышления бытие, признавал независимый от субъекта объект. Маркс, стало быть, критиковал махизм, когда вел горячую борьбу против «гносеологии» критической критики. И можно только удивиться тому неслыханному и непостижимому легкомыслию, с которым махообразные социалдемократы искажают взгляды гениального творца научного социализма. Можно не понимать теории Маркса, можно, не понимая этой теории, критиковать ее, но исказить взгляды ее основателя... *нельзя*.

Но вернемся к теории стоимости. С точки зрения диалектического материализма, Маркс подошел к исследованию меновой стоимости и с помощью этого метода было им сделано открытие двойственного характера труда. Теория стоимости и происхождение и развитие денег насквозь пропитаны диалектическим материализмом. Стоит только вспомнить, какое объяснение давалось деньгам разными экономистами, для того чтобы не забыть сущности теории денег автора. «Капитала». Деньги представляют собою простой знак, созданный для удобства обмена; они не что иное, как продукт сознательного соглашения и т. д. Правда, школа Адама Смита отлично понимала и сильно подчеркивала мысль, что деньги есть товар, как все прочие товары, выделенный людьми для удобства обмена, но и отсюда, как совершенно правильно заключает Зибер, следовало, «что если бы люди хорошенько захотели, то и при нынешних условиях производства они прекрасно могли бы обойтись без денег, и если они этого не делают, то единственно потому, что это повлекло бы за собою некоторые неудобства при обмене одних произведений на другие» (10). А это, разумеется, большое заблуждение. Чего же не понимали представители классической школы? Они не понимали того, что деньги являются продуктом постепенного общественного развития, обусловленного ростом раздробления общественного труда, которое приводит к тому, что продукты производятся не для удовлетворения потребностей производителей, а для удовлетворения потребностей других людей; а при такой общественной

организации деньги органически связаны со всем общественным механизмом. Мы не можем здесь входить в подробный анализ вопроса об отношении теории Маркса к классической экономии (11), да это и не входит в задачу нашей статьи. Нас интересует метод, и нашими замечаниями о недостатках классической школы мы имели в виду указать лишь на то, что отсутствие метода развития помешало и ясным головам прийти к правильным, исчерпывающим выводам.

Материалист и диалектик Маркс следит шаг за шагом за ходом общественного развития и связанным с этим развитием выделением и развитием общего эквивалента. За спиной людей, без их сознательного согласия постепенно выделяются бык и корова и, становясь эквивалентом, получают отличные от их телесной конкретности идеальные, сверхчувственные, абстрактные, общественные свойства. Эти весьма конкретные и материальные существа превращаются впоследствии в металлические и бумажные деньги, в математические отвлеченные выражения, понятные всем людям всего земного шара. И люди, создавшие этот феномен, придающие ему одинаковое значение, не понимают его действительного содержания. Будучи созданием общественной деятельности людей, деньги как *общественное явление* остаются для них непроницаемой, мистической тайной. Раскрыв эту тайну и обнаружив сущность денег, Маркс приходит к следующему заключению: «Работа научной мысли, исследующей формы человеческой жизни и следовательно стремящейся к их научному анализу, идет вообще путем, совершенно противоположным тому, которым идет реальное развитие. Научное исследование начинается *post factum* и, стало быть, исходит от готовых результатов процесса развития. Формы, которые превращают продукты труда в товары и потому предшествуют товарному обращению, обладают уже устойчивостью естественных форм общественной жизни, прежде чем люди начинают отдавать себе отчет не в историческом характере этих форм, которые, наоборот, кажутся им неизменными, а в их содержании» (12). В высказанной здесь мысли нетрудно узнать знаменитое положение Гегеля, что сова Минервы вылетает ночью. Но у идеалиста Гегеля *понятие* было вначале, и потому его строго материалистический вывод, что сознание появляется *post factum*, стоял в резком противоречии к исходной идеалистической посылке. Маркс устранил это противоречие. Согласившись с Гегелем в том, что ход развития совершается путем внутренних противоречий, Маркс, вставший на материалистическую почву, сделал диалектику содержательной, или, выражаясь точнее, он понял истинное содержание диалектики. Теория стоимости представляет блестящий, классический образец диалектического мышления и неоспоримое подтверждение правильности и плодотворности этого метода. Теория стоимости и все ее звенья, представленные в «Капитале», не логические абстракции, как это голословно утверждают буржуазные «критики», а на деле соответствуют действительной истории развития обмена и истории эквивалента. Метод, выведенный Марксом из разума действительности, дал ему острое оружие к пониманию действительности и проникновению во все ее скрытые формы.

Мы показали вкратце и конечно далеко не полно тесную связь диалектики исторического материализма с главными положениями теории стоимости. Теперь встает перед нами другой вопрос, - вопрос, составляющий центр тяжести всех «критических» походов, направленных против системы взглядов автора

«Капитала», а именно: стоит ли в связи и соединял ли сам Маркс философский материализм с материализмом историческим? Откровенно говоря, это вопрос архинелепый, ибо связь философского материализма с историческим выступает решительно во всех произведениях основателя диалектического материализма, проникая собою абсолютно все его взгляды. И приходится только удивляться «усердию», «любопытности» и «теоретической» основательности «критических» социал-демократов, ищущих ясности там, где предмет ясен до поразительности. Но пока «критики» не перестанут путать, мы не перестанем объяснять. Исходя из этого соображения, мы опять поставили этот вопрос, а для ответа позволим себе привести обстоятельные выдержки из «Капитала», в которых прямо и непосредственно показано, что материалистическое понимание природы служило фундаментом материалистического объяснения истории п всех экономических принципов.

«Труд, - читаем мы там, - есть прежде всего процесс, происходящий между человеком и природой, процесс, в котором человек посредством своей деятельности содействует обмену веществ между собой и природой, регулирует и контролирует его. По отношению к данной природой материи он сам выступает как сила природы. Он приводит в движение присущие его организму естественные силы - руки, ноги, голову, для того чтобы присвоить себе материю в пригодной для него форме. Действуя в этом процессе на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу. Он развивает дремлющие в нем силы и делает себе подвластной работу этих сил» (13). «Процесс труда заключает в себе следующие простые моменты: целесообразную деятельность или самый труд» предмет труда; земля (экономически в нее включается вода), наделяющая с самого начала человека пищей, готовыми средствами существования, является без всякого его содействия всеобщим объектом человеческого труда. Все предметы, в отношении которых труд лишь разрывает их непосредственную связь с землей, суть объекты труда, данные природой» (14). «Орудие труда - это предмет или совокупность предметов, которые рабочий ставит между собой и объектом труда и которые служат проводниками его воздействия на данные объекты труда. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел, чтобы соответственно своей цели заставить их действовать как силы на другие тела» (15). «Само» данное природой вещество становится органом деятельности человека, - органом, который он присоединяет к своим собственным органам, удлиняя таким образом вопреки библии свое тело. Земля, которая является первоначальной кладовой его местных припасов, образует также и первоначальный арсенал его орудий труда (16).

Просим читателя серьезно вникнуть в содержание приведенных выдержек. Природа *внешняя, действительная* природа, является первой, необходимой предпосылкой всего построения Маркса. Природа - не продукт бесконечного сознания, не комплекс субъективных ощущений человека, а наоборот, человек - ее часть. В процессе воздействия на внешнюю природу он - человек - изменяет свою собственную природу.

В постоянном взаимодействии сил внешней, окружающей природы и внутренней природы человека растут, развиваются, усложняются и совершенствуются его субъективные силы и его понимание окружающего мира,

его сознание. В природе человек находит некоторые орудия готовыми, и с помощью найденных орудий, под их влиянием, он начинает производить орудия самостоятельно, комбинируя, видоизменяя данную природой материю, согласно развивающимся в этом же процессе потребностям. Вспомним теперь, что орудия труда лежат в основе материалистического понимания истории; вспомним, что орудиями и степенью их развития определяется историческое движение и общественное строение всякой данной эпохи, и нам станет ясна неразрывная, органическая связь, существующая между философским и историческим материализмом.

Материалистическое понимание истории нас учит, что двигательной силой исторического развития является не дух, не чистое сознание, не субъективные ощущения, а видоизмененная человеком реальная, действительная природа - орудие труда.

Попробуем теперь уничтожить фундамент марксового здания, вычеркнем действительность природы и согласимся с идеалистами, что человек - не часть природы, а ее создатель, что бытие природы - не истинное бытие, а плод субъективного сознания или субъективных ощущений, - сделаем это, и мы придем к непреложному, очевидному заключению, что от всей системы Маркса не останется ни одного атома.

Ибо, если мы станем исходить из идеалистического начала, нам придется везде и повсюду, как в области научного исследования, так и в сфере практической деятельности, иметь дело не с существующими, сложившимися вне нас конкретными объективными условиями, а с «всемогущим», «творящим» конкретную, реальную действительность сверхопытным сознанием или субъективным ощущением.

Но идеалист никогда не был последователен; всемогущая, властная действительность, шутя и издеваясь над ним, заставляла его отступать от занятых им позиций. И если великие идеалисты, творцы классической философии, были часто вынуждены изменять идеализму и становиться на конкретную, материалистическую почву, впадая таким образом в непоследовательность и совершая самый страшный грех с точки зрения философского мышления, то идеалисты нашего времени являются прямо-таки жалкими игрушками объективного хода вещей, выступившего в нашу эпоху с такой силой и такой яркостью, как никогда.

Современные идеалисты чувствуют свою беспочвенность. Чрезвычайно типичным примером этой беспочвенности могут служить хотя бы рассуждения Уильяма Джемса. Этот серьезный ученый, задавшись целью защищать идеализм во что бы то ни стало, вынужден в заключение своей защиты сказать следующее: «Одним словом, мы агитируем против материализма, так же точно, как стали бы агитировать, если бы представился к этому случай, против Второй французской империи или против римской церкви, или вообще против чего-нибудь такого, к чему мы чувствуем достаточно сильное отвращение, чтобы решиться на энергичное противодействие, хотя это *отвращение и слишком, смутно, чтобы мы могли выразить его в ясных доказательствах*» (17). Не правда ли, интересное признание? К материализму чувствуется «достаточное отвращение», для того чтобы вести против него энергичную агитацию, не имея в своем распоряжении

ясных доказательств! Что же заставляет серьезного, мыслящего ученого агитировать против материализма *без ясных доказательств*? Вот что: восставая против социалистического идеала со всей силой своего красноречия, Джемс пишет: «Мы смотрим на эти утопии, погруженные в восхитительную смесь предрассудков и реальностей, стремлений и разочарований, надежд и страхов, страданий и восторгов, смесь, характеризующую наше теперешнее состояние, и утопии эти порождают в наших сердцах лишь *taedium vitae* (18). Наши сумрачные натуры, рожденные для борьбы, для морального *chiaroscuro* в рембрандтовском духе, для чередования лучей с мраком, находят такие светозарные картины пошлыми и невыразительными, не понимают их и не наслаждаются ими. Если *таковы* (курсив автора) плоды одержанной победы, говорим мы, если целые поколения людей страдали и жертвовали жизнью, если пророки исповедовали свою веру, а мученики с наслаждением умирали на костре, если все эти святые слезы проливались лишь для того, чтобы народилось новое поколение таких несказанно пошлых существ, для того, чтобы оно могло *saecula in saeculorum* (19) наслаждаться своей беспечной и безобидной жизнью, - в таком случае лучше потерять сражение, чем выиграть его, или по крайней мере лучше опустить занавес перед последним актом драмы, для того чтобы дело, начатое так серьезно, не закончилось столь плоско и неинтересно» (20). В этой красноречивой тираде автор ведет агитацию против социализма и, как видит читатель, также без ясных доказательств, ибо нельзя же считать доказательством потребность «наших сумрачных натур» в контрастах в рембрандтовском духе; выражаясь проще, потребность буржуазных натур в народных страданиях для контраста к необузданным наслаждениям привилегированных классов, или, еще проще, потребность капиталистов в прибавочной стоимости. Но это между прочим. В приведенных цитатах нас занимают не поверхностные рассуждения талантливого ученого о социализме, а та связь, которая несомненно существует между его *бездоказательной* агитацией против материализма и глубоким отвращением к социализму. Джемс грешит против науки и логического мышления, пользуясь материализмом для своих научных исследований и агитируя в то же время против него, не имея *ясных доказательств*. Тем не менее тут есть своя последовательность и своя логика. Решительно отвергая социализм, Джемс считает своим долгом энергично агитировать против материализма, ибо *noblesse oblige*. Подобно Джемсу, все буржуазные мыслители ведут агитацию против материализма и, разумеется, тоже без всяких доказательств. И позорнее всего то, что этим агитаторам усердно помогают люди из социалистического лагеря. Этим людям следовало бы поучиться у буржуазных мыслителей, отдающих себе ясный отчет в философских концепциях и вытекающих из этих концепций практических задачах.

Научный социализм вытекает из материалистического объяснения истории и предполагает материалистическое объяснение природы. Общее философское мировоззрение Маркса-Энгельса несравненно шире материалистического взгляда на историю, составляющего часть общего миросозерцания. По отношению к общим задачам познания исторический материализм играет методологическую роль. Историческая теория Маркса показала нам, какие реальные элементы двигают науку и познание истины вперед и какие условия задерживают это великое движение.

Уровнем производительных сил, мерой власти человека над природой, общественным бытием и борьбой классов определяется степень нашего понимания законов вселенной, наше усвоение ясной, научной истины, - как с другой стороны, наши заблуждения, наши ошибки и наше уклонение от действительного познания.

Две великие истины лежат в основе мировоззрения Маркса-Энгельса. Одна истина состоит в том, что в познании вселенной необходимо руководствоваться *движением материи*, другая - что *объективной силой* исторического процесса является движение экономических сил. Первая истина, лежащая *фактически*, в основе современной естественной науки, ведет нас к все более и более сознательному воздействию на могучие силы природы; вторая открывает нам широкий путь к победе над слепыми силами истории. Обе истины находятся между собою в теснейшей органической связи, обе истины друг друга дополняют, сливаясь в конечном счете в единое, общее всеобъемлющее мировоззрение, охватывающее природу и историю человечества.

Цельность, единство, последовательность, а главное истинность мировоззрения Маркса - Энгельса оказывают властное действие и на его критиков, ибо, как выразился Якоби, «en repoussant la verité, on l'embrasse» (21).

-
1. «Ausdem literarischen Nachlass», «Из литературного наследства» Bd. I, S. 17.
 2. «Ausdem literarischen Nachlass», Bd. I, S. 17. Курсив наш.
 3. «К критике политической экономии».
 4. Труд, его двойственный характер и вытекающее из этой двойственности разделение труда существуют сами по себе во всех общественных организациях. Тем не менее формы проявления этих категорий и их значение различаются в зависимости от формы общественной организации. В обществе, в котором возникает обмен продуктов частных производителей, двойственный характер труда проявляется как основа развития эквивалента.
 5. По Марксу, деньги: 1) всеобщий товар; 2) мерило ценности; 3) орудие обращения; 4) сокровище; 5) орудие платежа.
 6. Само собою разумеется, что мы имеем здесь в виду главные, основные направления философской мысли, абстрагируя от различных, многообразных оттенков и течения эклектического и дуалистического свойства.
 7. Кстати т. П. Юшкевич выражает удивление по поводу того, что я в своих «Философских очерках» доказываю существование вещи в себе и в то же время признаю ее познаваемость (у меня к сожалению сейчас нет под рукой того номера «Новой книги», в котором т. П. Юшкевичем указано на мое, якобы, противоречие, но я уверена, что меня память не обманывает). Причиной такого удивления является незнание т. П. Юшкевичем того, что термином «вещи в себе» определяется не только ее непознаваемость, но и ее существование *независимо от восприятия субъекта*. Удивляюсь, что т. П. Юшкевич, пишущий так бойко по философии, не знает общеизвестных вещей.
 8. Субъективный идеализм Бруно Бауэра - интеллектуального характера, между тем как субъективный идеализм Маха и компании - сенсуального свойства. Но это различие в оттенках не меняет сути дела, - отрицательного отношения к

объективной действительности. Что сущность интеллектуального и сенсуального субъективного идеализма одна и та же, сознает сам Мах, считающий себя солидарным с имманентной школой, возрождающей фихтианство.

9. «Nachlass», Bd. II, S. 251

10. «Давид Рикардо и Карл Маркс», стр. 226, изд. 3-е.

11. В русской экономической литературе этот анализ сделан в очень обстоятельной и серьезной упомянутой здесь работе Зиберера, а затем есть много ценных и глубоких замечаний в экономических статьях Плеханова.

12. «Капитал», т. I, стр. 31-32, русск. перев., 2-е изд., под ред. П. Струве.

Цитируем везде по этому переводу.

13. «Капитал», т. I, стр. 109.

14. Там же, стр. 110.

15. Там же.

16. Там же.

17. «Зависимость веры от воли» (и другие вопросы популярной философии), стр. 109, русск. перев. С. И. Церетели, 1904 г. Курсив наш.

18. Отвращение к жизни.

19. Во веки веков.

20. Там же, стр. 192-193.

21. Отгалкивая истину, ее обнимают.